

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-2-18>

УДК 314.7

JEL R23

А. В. Лялина , И. С. Гуменюк , А. П. Плотникова

а, б, в) БФУ им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: НОВЫЕ И СТАРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ¹

Аннотация. Внутренняя миграция населения в Калининградской области представляет собой важнейший ресурс сбалансированного развития региона в условиях снижения миграционного прироста из-за его пределов. Обусловленная внутренними пространственными диспропорциями в социально-экономическом развитии области, в последние годы она претерпела значительные изменения, которые касаются как объемов, так и географии потоков между муниципалитетами и поселениями. Цель исследования состоит в выявлении и обосновании произошедших изменений во внутренней миграции населения области в 2020–2023 гг. по сравнению с более ранним периодом (2011–2019 гг.). В работе использованы общенаучные и статистические методы, типология, социологические и картографические методы. Информационную основу составили данные Калининградстата о миграционных процессах в регионе на уровне муниципалитетов, сельской и городской местности, данные проведенного весной 2024 г. массового опроса населения Калининградской области о миграционных настроениях. Исследование показало, что в регионе протекают процессы концентрации населения в областном центре и субурбанизации в западной части области по причинам распространения миграционной мотивации, обусловленной стремлением повысить качество жизни, с одной стороны, и ростом хозяйственной и инвестиционной активности вокруг региональной столицы, с другой. Урбанизация и сопряженные с ней потоки сельско-городской миграции сохраняются, но, главным образом, на востоке области, в то время как переток населения в Калининградскую агломерацию существенно замедлился. Причинами этого служит комплекс факторов, главным из которых является существование «ловушек бедности». Имеет место также транзитная миграция через пояс дальней пригородной зоны и быстрорастущий пригород областного центра – Гурьевский МО, вследствие возрастания транспортной доступности Калининграда и менее заметных градиентов в стоимости жизни по сравнению с периферией. Однако утверждать о завершенности выявленных трансформаций и переходе на новый характер процессов внутренней миграции населения в регионе преждевременно.

Ключевые слова: внутренняя миграция, сельско-городская миграция, миграционные связи, муниципальные образования, пространственные особенности, периферия, центр, агломерация, миграционная связность, Калининградская область

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-77-01102, <https://rscf.ru/project/23-77-01102/>.

Для цитирования: Лялина, А. В., Гуменюк, И. С., Плотникова, А. П. (2025). Внутренняя миграция в Калининградской области: новые и старые тенденции. *Экономика региона*, 21(2), 514–529. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-2-18>

¹ © Лялина А. В., Гуменюк И. С., Плотникова А. П. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Anna V. Lialina ^{a)}, Ivan S. Gumenyuk ^{b)}, Angelina P. Plotnikova ^{c)}^{a, b, c)} Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Internal Migration in Kaliningrad Oblast: New and Old Tendencies

Abstract. Internal migration in Kaliningrad Oblast has become a key factor for the region's balanced development amid declining net migration from outside its borders. In recent years, internal migration patterns have shifted significantly due to socio-economic disparities among districts. Both the volume and geographic structure of migration flows between districts and settlements have undergone transformation. This study aims to identify and explain the changes in internal migration dynamics in 2020–2023 compared to the earlier period of 2011–2019. The analysis employs general scientific and statistical methods, typology, as well as sociological and cartographic approaches. The analysis draws on official migration statistics from Kaliningradstat (the regional statistical agency) covering municipal, rural, and urban areas, as well as data from a population survey on migration intentions conducted in March–April 2024. The results indicate a trend toward population concentration in the regional center and suburbanization in the western part of the region. These patterns are driven by a combination of motivations to improve quality of life and increased economic and investment activity around the regional capital. While rural-to-urban migration and broader urbanization trends persist, they are now more pronounced in the eastern districts, whereas the influx into the Kaliningrad agglomeration has notably slowed. This shift is primarily attributed to the effects of the “poverty trap.” Additionally, transit migration has emerged across the outer suburban belt and the rapidly developing Guryevsky District, facilitated by improved transport accessibility and smaller cost-of-living differentials compared to peripheral areas. Nonetheless, it is premature to conclude that these observed transformations represent a completed shift toward a new internal migration regime in the region.

Keywords: internal migration, rural-urban migration, migration ties, municipalities, spatial features, periphery, center, agglomeration, migration connectivity, Kaliningrad Oblast

Acknowledgments: This study was supported by grant No 23-77-01102, <https://rscf.ru/project/23-77-01102/>.

For citation: Lialina, A.V., Gumenyuk, I.S., & Plotnikova, A. P. (2025). Internal Migration in Kaliningrad Region: New and Old Tendencies. *Ekonomika regiona / Economy of Regions*, 21(2), 514–529. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-2-18>

Введение

Калининградская область, традиционно привлекательный регион для мигрантов, начиная с 2022 г. испытывает колоссальное сокращение миграционного притока в регион на фоне набирающих интенсивность исходящих потоков. Влияние оказало изменение приоритетности общих факторов миграции в стране: факторы, обусловленные качеством жизни населения (Вакуленко, 2019; Mkrtchyan & Vakulenko, 2019), уступили место иным, прежде всего, политическим, идеологическим и экономическим. И если политические и идеологические оказались более значимы для оттока за рубеж (Chervyakov & Giucci, 2023; Ruseishvili & Ryazantsev, 2024; Geiger & Syrakvash, 2023; Chankseliani & Belkina, 2024), то экономические имели значение при выборе внутренних направлений миграции. Для Калининградской области, столкнувшейся с резким ухудшением ситуации в экономике вследствие ограничений на транзит через Литву, санкционного давления, ухода ряда зарубежных компаний и отказа от сотрудничества, этот фактор оказался

особенно актуален. Дополнительно негативную роль сыграло ухудшение геополитической и военно-политической обстановки на западных рубежах страны, что предопределило рост тревожности среди местного населения, опасений среди потенциальных мигрантов из других регионов России. Суммарное сальдо миграции населения в регионе в 2024 г. сократилось на 63 % относительно 2019 г.

На фоне ухудшающейся экономической ситуации в регионе проявились складывавшиеся на протяжении долгих лет внутрирегиональные диспропорции в уровне социально-экономического развития востока и запада области, которые определяют направление миграционных потоков в сторону городов из сельской местности, а также центр-периферийный переток населения из восточной периферийной части региона в областную центр (Лялина, 2023). Поэтому в условиях снижения миграционной привлекательности региона и нарастания дефицита трудовых ресурсов вопросы оптимизации их внутреннего перераспределения приобретают дополнительную актуальность.

Теоретический обзор

Современные исследования внутренней миграции населения в России, как правило, посвящены вопросам сельско-городской миграции или потокам между муниципальными образованиями в пределах регионов (Положихина, 2024; Karachurina et al., 2022).

Выявлено, что для современных внутренних миграционных потоков в России характерно стягивание населения в зоны крупных городских агломераций, а также в региональные субцентры из ближайших муниципалитетов (Карачурина, Мкртчян, 2021). Подобные субцентры могут формироваться и в компактных регионах страны, таких как Калининградская область (Лялина, 2023). Для разных возрастных групп населения характерны различные по направлению миграционные перемещения (Karachurina & Mkrtchyan, 2023; Карачурина, Иванова, 2017). Для учебной миграции (после 9 и 11 классов) присущ переезд в ближайший относительно крупный населенный пункт. Миграция в возрастах создания семьи и рождения детей связана с переездом в пригороды. В самых старших возрастах миграции локальны, что связано с переселением к родственникам для получения ухода.

Переток сельского населения в города в России в настоящее время сократился по причине исчерпания демографического потенциала сельской местности (Карцева и др., 2024) и роста возвратной миграции в сельскую местность (Никулина и др., 2022). При этом на фоне сохранения оттока населения с периферии сельская местность пригородов, как правило, прирастает населением в результате субурбанизации, либо выполняет роль транзитной территории в случае миграции, направленной в столицу региона и другие крупные города (Mkrtchyan, 2019; Карцева и др., 2024; Мкртчян, 2024).

Основными причинами внутренней миграции в России сегодня являются получение образования, работа, семейные и личные причины, улучшение качества жизни (Неустроева, Барашкова, 2024). В сельско-городской миграции по-прежнему ведущую роль играют выталкивающие факторы, связанные с отставанием сельской местности от городской по показателям уровня и качества жизни (Карцева и др., 2024; Chaplitskaya et al., 2024). Однако, вероятно, не все сельские жители могут реализовать свои миграционные настроения по причине отсутствия достаточных финансовых средств для этого, т. е. действия «ловушек бедности» (Вакуленко, 2019). Значение имеет и смена модели развития аграрной отрасли, ориентиро-

ванной в большей степени на крупные агрохолдинги с модернизированным производством, не требующим использования большого количества работников (Нефедова, Мкртчян, 2017; Нефедова, 2019; Fedorov et al., 2021). Это определяет привлекательность таких территорий для жителей других, менее развитых с точки зрения роста агропроизводства, сельских территорий. В то же время расширение земель под крупными сельскохозяйственными организациями ведет к сокращению возможностей ведения личного подсобного хозяйства и усиливает отток населения. В возвратной миграции и контрурбанизации главными причинами становятся предпринимательство в сельской местности, психологические, семейные и личные причины (Никулина и др., 2022; Ryazantsev & Bragin, 2023).

Для Калининградской области, как и для многих регионов России, характерен вектор миграции с восточной периферии в Калининградской городской агломерацию (Лялина, 2023). На уровне отдельных поселений сохраняется переток сельского населения в города, особенно в восточных муниципалитетах с высокой долей сельского населения. Это приводит к сокращению численности населения восточных муниципалитетов области, и росту в пригородах. Эти процессы обусловлены пространственными градиентами в социально-экономическом развитии региона по линии восток-запад и центр-периферия, которые в большинстве своем совпадают (Fedorov et al., 2021; Федоров и др., 2017; Кузнецова, Сибирева, 2020; Gumenyuk & Gumenyuk, 2021).

Несмотря на изученность вопросов внутренней миграции населения в Калининградской области, особенности влияния существенно изменившихся внешних и внутренних условий развития России и ее регионов после 2022 г. на протекание миграционных процессов внутри эксклава пока не рассматривались. Вместе с тем очевидно, что влияние таких факторов, как пространственно неравномерный рост доходов населения на фоне перехода России в «экономику высоких заработных плат» и новых социальных выплат населению, сокращение миграционного потенциала, новые меры поддержки экономики, безусловно, оказывают существенное влияние на миграционные потоки внутри регионов. Кроме того, не освещались ранее и вопросы мотивации населения Калининградской области к внутренней миграции.

Целью статьи является выявление произошедших изменений в масштабах и на-

правлениях внутренней миграции населения Калининградской области в 2020–2023 гг., а также попытка обоснования основных причин произошедших изменений на основе описания миграционных настроений жителей Калининградской области и анализа транспортно-связности и пространственных диспропорций в уровне социально-экономического развития.

Методика исследования и данные

Основу исследования составили данные Росстата и Калининградстата о миграции населения в Калининградской области на уровне городской и сельской местности, муниципальных образований за период 2011–2023 гг. Анализ изменения географии миграционных потоков между муниципалитетами и их миграционной связности построен на матрицах прибытий, выбытий, сальдо миграции и миграционном обороте, рассчитанных для 22 муниципальных и городских округов Калининградской области на основе данных о межмуниципальной миграции по статистической форме *t_pt2n* — «Внутрирегиональная миграция населения по территориям прибытия и выбытия». Миграционная связность территорий оценивалась с помощью методики коэффициентов интенсивности миграционных связей (КИМС) (Рыбаковский, 1969).

Описание миграционных настроений калининградцев базируется на результатах репрезентативного анкетного опроса населения Калининградской области, проведенного в марте-апреле 2024 г. Выборка исследования составила 1005 человек в возрасте 18–50 лет и репрезентировала население региона по полу, возрасту и типу населенного пункта (Калининград, города Калининградской области, села). Социологическое исследование проводилось методом «face-to-face». Вопросы анкеты формулировались с учетом опыта изучения миграционных настроений и миграционной подвижности населения отечественными учеными (Максимова, 2016; Зайончковская, Ноздрина, 2008; Ходенко, 2008). Для характеристики социально-демографических групп жителей региона, имеющих миграционные настроения, использовались вопросы, учитывающие особенности вовлеченности во внутреннюю миграцию разных групп населения, выявленные в более ранних исследованиях (Karachurina & Mkrtchyan, 2023; Карачурина, Иванова, 2017). Основная часть анкеты включала 39 вопросов о миграционном опыте и миграционной подвижности населения, мигра-

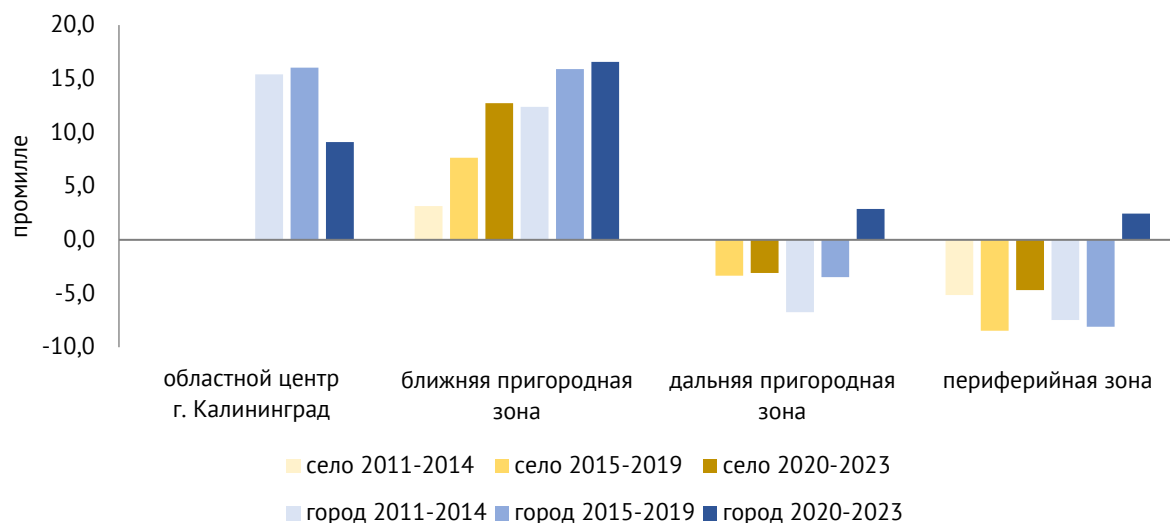
ционных настроениях. Вспомогательная часть анкеты содержала 6 вопросов для описания индивидуальных характеристик.

Результаты и их обсуждение

Масштабы внутренней миграции населения. Внутренняя миграция сегодня сохраняет ведущую роль в перераспределении населения в границах области, составляя около половины всего миграционного оборота и опережая по интенсивности потоки внешней для региона миграции. В динамике внутренней миграции с 2011 г. отмечался период стабильного нарастания интенсивности миграционного обмена, сменившийся периодом турбулентности с началом пандемии COVID-19 в 2020 г., который в 2022–2023 гг. сменился снижением интенсивности валовой внутренней миграции на 15 % относительно 2019 г. до 36,3 %.

На уровне сельской и городской местности данные процессы проявляются по-разному. Так, в 2022–2023 гг. на фоне значительного снижения привлекательности городской местности для мигрантов привлекательность сельской местности, напротив, возросла: относительные показатели миграционного прироста здесь увеличились более, чем в 3 раза по сравнению с 2011–2014 гг. и более, чем в 3,7 раза относительно 2015–2019 гг. Основную роль при этом в 2023 г. играет приток переселенцев из других регионов России (56%), роль внутреннего притока, равно как и международной миграции, вторична. Сохранявшаяся тенденция интенсивного замещения внутреннего оттока мигрантами из стран СНГ с 2021 г. утратила свою актуальность в масштабах региона. Однако здесь преобладают два противоположных по направлениям процесса: стремительное нарастание привлекательности сельской местности ближней пригородной зоны (более, чем в 2 раза) при сохранении миграционной убыли на периферии и в дальней пригородной зоне (рис. 1). В то же время на периферии интенсивность миграционной убыли постепенно снижается.

В городской местности нарастили привлекательность для мигрантов, главным образом, города в ближней пригородной зоне (рост на 16 %), а города дальней пригородной и периферийной зон сменили миграционную убыль на прирост. Напротив, привлекательность областного центра в 2020–2023 гг. оказалась на 42 % ниже, чем в 2011–2019 гг.

Примечание: здесь и далее зонирование выполнено согласно (Fedorov, Kinder & Kuznetsova, 2021): ближняя пригородная зона — Гурьевский, Зеленоградский, Багратионовский муниципальные округа (МО), Светлогорский, Пионерский, Светловский, Ладушкинский, Мамоновский, Балтийский, Янтарный городские округа (ГО); дальняя пригородная зона - Полесский, Гвардейский, Правдинский МО; периферийная зона - Славский, Краснознаменский, Неманский, Нестеровский, Озерский, Черняховский МО, Гусевский и Советский ГО

Рис. 1. Коэффициент суммарного сальдо миграции в сельской и городской местности в пространственных зонах Калининградской области (источник: составлено авторами)

Fig. 1. Total crude rate of net migration in rural and urban areas of spatial zones of Kaliningrad Oblast

Внутренняя миграция между сельской и городской местностью

Города Калининградской области. Для областного центра и ближайших пригородов (Гурьевск, Зеленоградск, Светлогорск, Пионерский) основную «подпитывающую» роль играет миграция город-город (рис. 2, рис. 3). При этом, если областной центр и Гурьевск в рассматриваемый период заметно снизили свою привлекательность для переселенцев из других городов региона, то приморские города нарастили. Примечательно также, что в трех наиболее динамично развивающихся курортных городах: Светлогорске, Зеленоградске и Пионерском — роль сельско-городской миграции практически исчерпала себя, а в Калининграде и Гурьевске она изменила вектор на город-село, то есть жители городов стали переезжать в сельскую местность.

Полусредние города в восточной части области (Советск, Черняховск, Гусев) по-прежнему теряют население в результате миграции город-город, очевидно, по направлению более крупного города (в пределах области это Калининград), а также более близко расположенных к нему городов. При этом в Советске и Черняховске заметно сократившийся отток населения в другие города области компенсируется стягиванием сельского населения из соседних МО. Напротив, в Гусеве перераспределение городского населения по направ-

лению городов области дополняется переток в сельскую местность.

Большинство иных районных центров, как и полусредние города, теряют население в обмене с другими городами, но в 2020–2023 гг. значительно медленнее, чем в 2011–2019 гг. Еще более заметное сокращение миграционной убыли в Озерске, Нестерове, Немане и Полеске по направлению городов области вкупе с наращиванием «подпитки» из сельской местности позволило этим городам в 2020–2023 гг. продемонстрировать совокупный миграционный прирост во внутренней миграции.

Сельская местность Калининградской области. Заметный миграционный прирост в сельской местности округов ближней пригородной зоны (Гурьевский, Зеленоградский, Янтарный) обусловлен, главным образом, многократным увеличением миграционных потоков из городской местности в сельскую. Обращает внимание практически полная утрата привлекательности сельской местности Светлогорского ГО для внутренних мигрантов.

Во всех остальных округах сельская местность играет дотационную роль в миграционных процессах, главным образом, по линии село-город. Только в нескольких из них отмечаются позитивные сдвиги в сторону значительного сокращения оттока — Багратионовский, Полесский, Гвардейский МО. В других округах с преимущественно сельским населением (65–

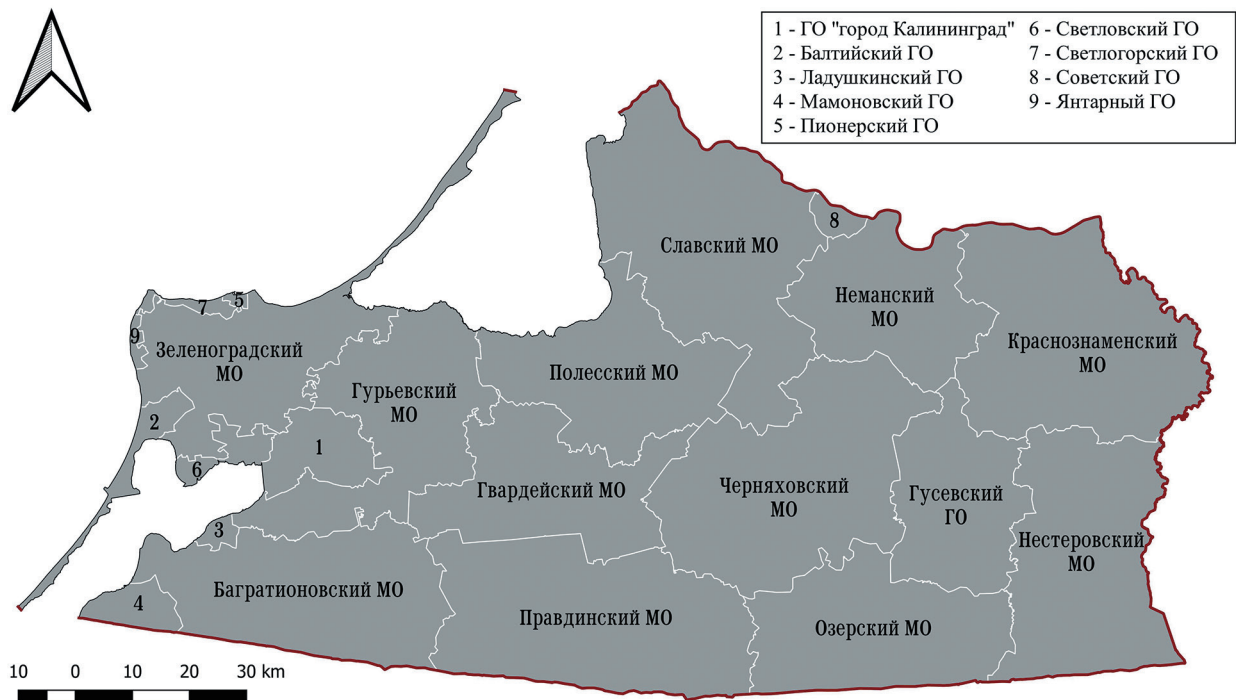
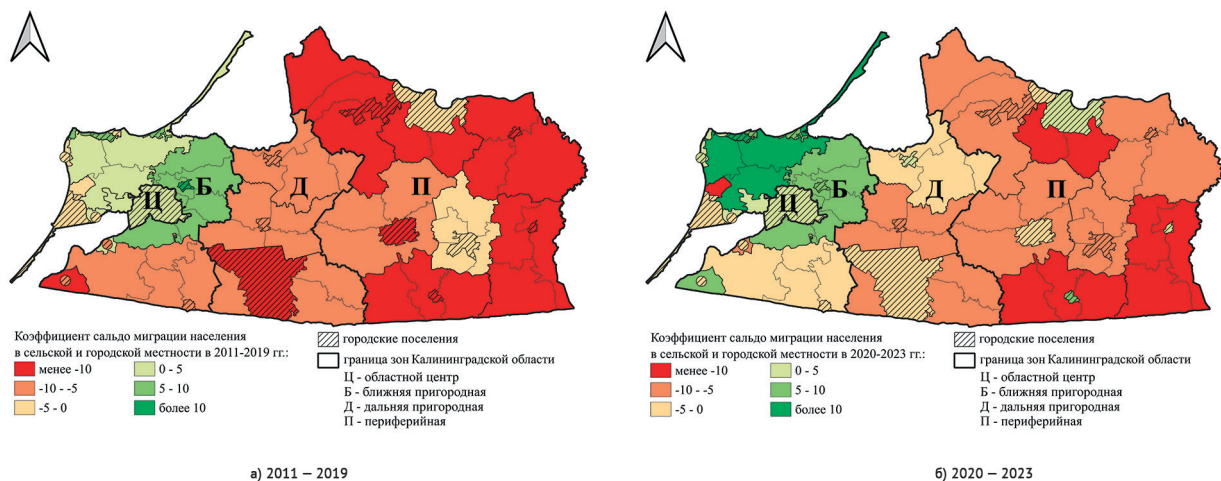

Рис. 2. Муниципальные образования Калининградской области по состоянию на 1 января 2024 г. (источник: составлено авторами)

Fig. 2. Districts of Kaliningrad Oblast as of January 1, 2024
(source: compiled by the authors)

Примечание: приведены значения для сельской и городской местности в целом

Рис. 3. Коэффициент сальдо внутренней миграции населения в сельской и городской местности в разрезе муниципальных образований Калининградской области (источник: составлено авторами)

Fig. 3. Crude rate of internal net migration in rural and urban areas of the districts of Kaliningrad Oblast

80 %), несмотря на снижение, миграционный отток из сел в города остается высоким.

Для отдельных округов значение набирает также отток сельского населения по направлению других сельских поселений. Это, прежде всего, Балтийский и Гусевский ГО, Правдинский, Озерский, Черняховский МО. Обусловлен он переездом ближе к областному центру и его при-

городам и/или в динамично развивающиеся с точки зрения сельского хозяйства муниципалитеты. Основным аттрактором, безусловно, выступает сельская местность пригорода областного центра Гурьевского МО с динамично развивающимся сектором АПК — совокупно за 2020–2023 гг. миграционный прирост здесь составил более 220 чел. за счет вышеназ-

ванных муниципалитетов. Менее значителен прирост в пригородных селах Зеленоградского и Светловского округов — около 40–60 чел. суммарно. Из числа центров развития АПК, кроме Гурьевского МО, привлекательна сельская местность Полесского МО, особенно для жителей Черняховского МО; а также села Озерского и Нестеровского районов для жителей соседних округов (прежде всего, Гусевского).

Миграционная убыль в сельской местности за счет обмена с селами региона сменялась приростом в Багратионовском МО, а в Полесском МО она приблизилась к нулю.

Пространственная структура внутренних миграционных потоков

Несмотря на то, что основные потоки внутренней миграции, как и прежде, направлены в сторону областного центра, отмечается постепенное ослабление центростремительных сил,

которые стягивают переселенцев с востока области и соседних муниципалитетов в Калининград (рис. 4). Одновременно происходит увеличение оттока населения областной столицы в пригороды Гурьевского МО и приморские МО. Так, если ежегодный миграционный отток населения из Калининграда в Гурьевский МО в 2011–2014 гг. составлял в среднем –200 чел. в год, то в 2015–2019 гг. — уже –400 чел., а в 2022–2023 гг. — более 800 чел. В два раза вырос и ежегодный отток по направлению приморских Светлогорского ГО и Зеленоградского МО.

Разрастанию Гурьевского МО способствует прежде всего субурбанизация и значительно в меньшей степени — стягивание населения из сопредельных или относительно близко расположенных округов: Багратионовского и Зеленоградского МО, Балтийского ГО, муниципалитетов-центров притяжения мигрантов на востоке, образуемых полусредними го-

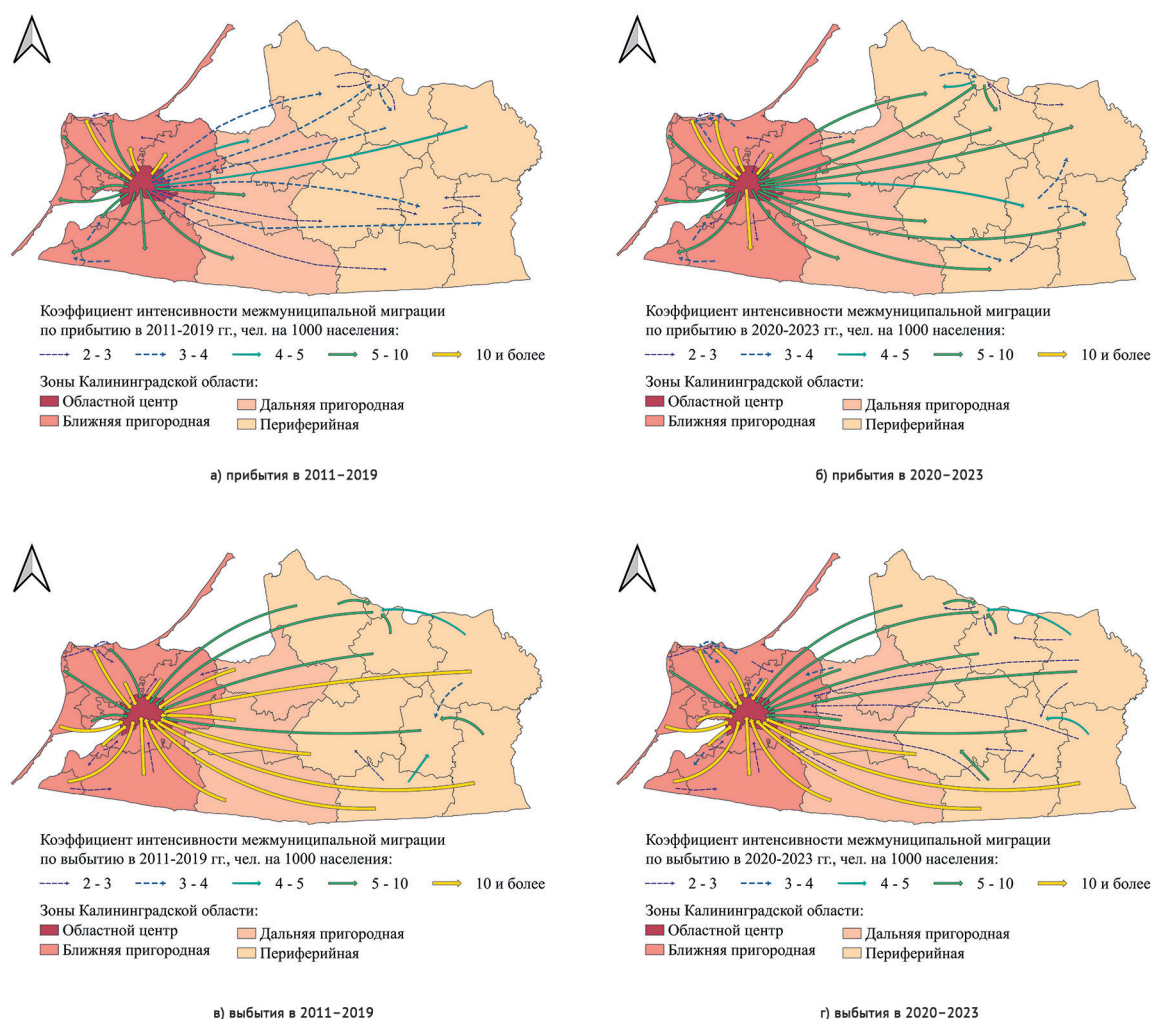

Рис. 4. Миграционные потоки между муниципалитетами Калининградской области в 2011–2019 гг. и 2020–2023 гг. (источник: составлено авторами)

Fig. 4. Migration between districts of Kaliningrad Oblast in 2011–2019 and 2020–2023

родами Советск, Гусев и Черняховск, а также муниципалитетов дальней пригородной зоны. В то же время последние заметно нарастили миграционное взаимодействие с муниципалитетами востока региона, что может свидетельствовать о формировании новых траекторий транзитной миграции населения периферии к агломерации.

Из числа приморских привлекательность для внутренних мигрантов наращивают только Зеленоградский МО и Пионерский ГО, Светлогорский ГО сохраняет ее на прежнем уровне. Миграционные потоки в эти округа формируют преимущественно жители соседних приморских округов или столицы региона.

Интенсивность оттока населения по направлению областного центра для округов дальней пригородной зоны и периферии в 2020–2023 гг. существенно снизилась. Так, коэффициент миграционной убыли в среднем по округам дальней пригородной зоны в обмене с региональной столицей сократился на 59 % (с – 6,3 % в 2011–2019 г. до – 2,6 % в 2020–2023 гг.), а на периферии — на 45 % (с – 6,3 % в 2011–2019 г. до – 3,5 % в 2020–2023 гг.). Менее заметным с точки зрения интенсивности миграционных потоков, но отнюдь не менее важным с позиций территориального перераспределения населения на востоке области остается взаимодействие между соседними муниципалитетами — прежде всего, стягивание населения прилегающих территорий по направлению полусредних городов Советск, Черняховск и Гусев.

Межмуниципальные миграционные связи

В формировании миграционных связей между муниципалитетами области все четче проявляются два центра интенсивного миграционного взаимодействия. Центр «запад» включает столицу г. Калининград и округа ближней пригородной зоны: Гурьевский, Зеленоградский, Светлогорский, Пионерский, Светловский, Янтарный, Мамоновский, Багратионовский, Ладужинский и Балтийский МО. В составе центра «восток» — муниципалитеты периферийной зоны: Славский, Краснознаменский, Неманский, Нестеровский, Озерский, Черняховский МО, Гусевский и Советский ГО (Лялина, 2023). При этом интенсификация миграционного взаимодействия более активно протекает в центре «восток» (рис. 5). Здесь наиболее тесные (высокие) миграционные связи характерны, прежде всего, для муниципалитетов в зоне влияния полусредних городов Советска (со Славским и Неманским МО), Гусева (с Нестеровским,

Озерским и Краснознаменским МО), Черняховска (с Озерским МО).

Значения КИМС между муниципалитетами на западе примерно в 1,8 раза ниже, чем на востоке. В пределах центра «запад» наиболее значимы связи между приморскими курортами, а также сопредельными муниципалитетами, ранее входившими в состав одного муниципалитета, — Багратионовский МО, Ладужинский и Мамоновский ГО.

Между собой эти центры остаются связаны крайне слабо. Разделяет центры условная буферная зона в составе округов дальней пригородной зоны (Гвардейского, Полесского и Правдинского МО), которая сама по себе представляет отдельную зону возрастающего интенсивного миграционного взаимодействия.

Обращает внимание увеличение интенсивности миграционной связности центра «восток» с буферной зоной. Основные потоки здесь пролегают по «коридорам»: между Правдинским МО и Озерским и Черняховским МО; между Гвардейским МО и Озерским МО, Гусевским ГО и Черняховским МО; между Полесским МО и Славским МО, Советским ГО и Черняховским МО.

Миграционные настроения населения Калининградской области. Согласно проведенному опросу, до 8% (74 человека) взрослых жителей региона хотели бы сменить место жительства в пределах области. Это направление миграции, по данным опроса, занимает второе место по популярности среди калининградцев с миграционными настроениями (рис. 6). В то же время данные Росстата о реализации этих желаний (фактическом выезде из региона) свидетельствуют о том, что выезды в пределах региона преобладают над перемещением в другой регион РФ или другую страну. Вероятно, это связано с низкой реализацией миграционных желаний на переезд за пределы области, часть жителей выбирает перемещение внутри региона взамен других территорий РФ. Об этом косвенно свидетельствуют данные о формировании миграционных намерений калининградцев — только 40 % высказавших желание сменить место жительства на другой регион РФ планируют переезд в ближайшее время (Лялина, Волощенко, 2024).

Внутреннюю миграцию рассматривают более укорененные жители области в сравнении с калининградцами, не планирующими менять место жительства в пределах региона: 53 из 74 респондентов родились и всегда жили в Калининградской области. Это может объяс-

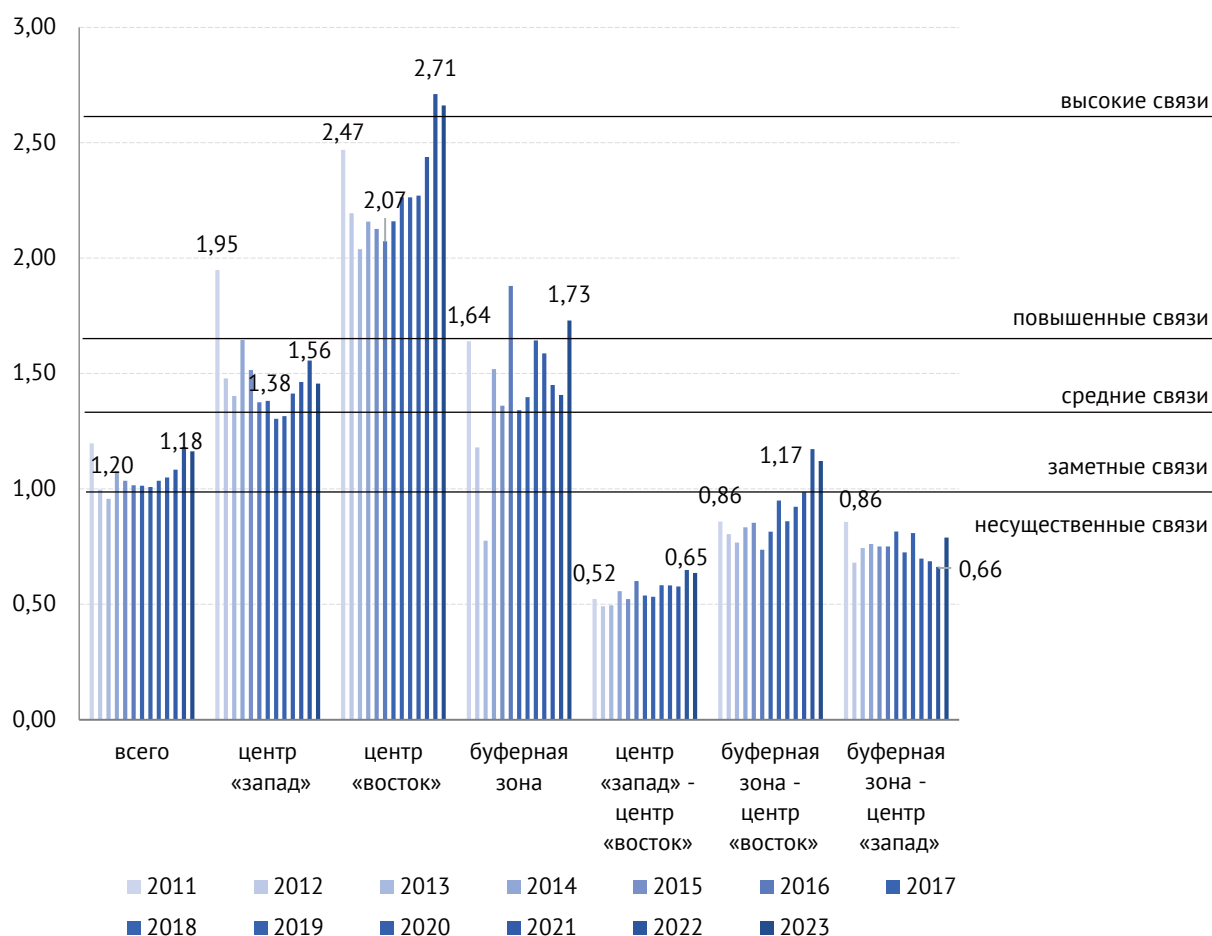

Рис. 5. Коэффициент интенсивности миграционных связей между муниципальными образованиями Калининградской области (источник: составлено авторами)»

Fig. 5. Coefficient measuring the intensity of migration ties between municipalities of Kaliningrad Oblast (source: compiled by the authors)

Рис. 6. Миграционные настроения жителей Калининградской области (данные опроса 2024 г.) в сопоставлении с данными Росстата о структуре выбытий в 2023 г. (источник: составлено авторами)

Fig. 6. Migration aspirations of residents of Kaliningrad Oblast (2024 survey data) in comparison with Rosstat data on the structure of departures in 2023 (source: compiled by the authors)

няться более «молодым» составом этой группы респондентов, которые еще не имели возможности обрести миграционный опыт, или относительно меньшими рисками и сложностями, присущими внутренней миграции в сравнении с внешней. В целом миграционные настроения населения внутри региона укладываются в логику вертикальной миграции (Мкртчян, Гильманов, 2023): во внутренней миграции заинтересованы прежде всего жители малых и полусредних городов (Советск, Светлый, Черняховск, Балтийск, Гусев), несколько реже — жители сельской местности.

Желание переехать в другой населенный пункт Калининградской области высказывают чаще женщины (42 из 74 человек), несмотря на то, что в структуре взрослого населения (15–49 лет) их доля не превышает 50 % (ВПН-2020). Респонденты, как правило, представляли две когорты — 18–24 лет и 25–30 лет. Это обусловлено пространственной мобильностью с целью получения профессионального образования (переезд к месту обучения, главным образом, из сельской местности) или профессиональной реализации после. Потому среди данной группы опрошенных в два раза чаще, чем в структуре населения области (11 %, ВПН-2020), встречались обладатели только среднего общего образования.

Склонны к внутренней миграции, как правило, семейные пары, но представленность респондентов, никогда не состоявших в браке или состоящих в незарегистрированном браке, также повышена относительно средней по выборке, что объясняется спецификой возрастной структуры респондентов.

Уровень доходов респондентов, высказавших желание переехать в пределах региона, оказался несколько ниже относительно среднего по выборке. Так, среди рассматриваемой группы респондентов заметно представлены жители области, располагающие доходами ниже среднеобластного уровня 2023 г. (40 тыс. р.) — 38 из 74 человек. Несмотря на то, что подавляющее большинство респондентов этой группы оценивают свою покупательную способность как среднюю¹, представленность состоятельных² в группе ниже, чем по выборке, а малообеспеченных³ — выше.

¹ Ответ: «Денег хватает на продукты и на одежду и обувь, но покупка вещей длительного пользования для нас проблема».

² Ответы: «Мы можем без труда приобрести вещи длительного пользования, затруднительно приобретать дорогие вещи» и «мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие покупки — квартиру, дачу и многое другое в группе ниже».

³ Ответы: «Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты питания», «на продукты денег хва-

Социально-экономические условия и факторы внутренней миграции

Факторы, определяющие географию внутренних миграционных потоков

Несмотря на то, что официальная статистика не фиксирует существенного разрыва в среднемесячной заработной плате работников организаций в разрезе муниципальных образований области по линии «сельские» и «городские», т. к. она учитывает только крупные и средние предприятия, данные об удовлетворённости размером заработной платы показывают заметные отличия. При средней по области удовлетворённости населения уровнем заработной платы в 2022 г. на уровне 72 %, разрыв в удовлетворённости между городским и сельским населением был почти в два раза: 78 % среди горожан и 41 % среди сельского населения⁴. Другим не менее важным мотивом для миграции из сельской местности в города стоит признать и низкий уровень удовлетворённости сельского населения качеством предоставления бытовых услуг для населения. При средней по области удовлетворённости бытовым обслуживанием среди населения на уровне 88 % среди городского населения этот показатель составляет 95 %, среди сельского — лишь 63 %.

Потребительские расходы также существенно различаются между городским и сельским населением региона. Расходы между домохозяйствами, проживающими в городской и сельской местности, по итогам II квартала 2024 г.⁵ различаются почти в два раза: 30,8 тыс. р. в городах и 17,4 тыс. р. в сельской местности. При этом на покупку продуктов в расходах городских домохозяйств приходится менее 30 %, а в сельских домохозяйствах — почти половина.

Между восточными и западными муниципалитетами также фиксируется разрыв в уровне среднемесячной заработной платы работников организаций, в среднем на уровне 20 %. При этом при сопоставлении оплаты труда в Калининграде и Советске он достигает 30 %⁶. Сопоставимая разница существует и между сельскими муниципалитетами.

тает, но покупка одежды и обуви вызывает финансовые затруднения».

⁴ Калининградстат. <https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/удовлетворенность%20населения.pdf> (дата обращения: 15.10.2024)

⁵ Калининградстат. <https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/удовлетворенность%20населения.pdf> (дата обращения: 15.10.2024)

⁶ Росстат. (2024). Рейтинговая оценка муниципальных образований Калининградской области: Статистический

Несмотря на в целом низкий уровень безработицы в регионе, на локальном уровне его значения также меняются по линии запад–восток. В округах Калининградской городской агломерации на начало 2024 г. в среднем фиксируются околонулевые показатели официальной безработицы, в центральных муниципалитетах этот показатель уже возрастает до уровня 0,5–0,7 % от экономически активного населения, а в восточных муниципалитетах достигает средней отметки 0,9–1,4 %.

В итоге разница в уровне жизни и доходах населения, фиксируемая как по линии город–село, так и по линии запад–восток, определяет направленность внутрирегиональных миграционных потоков из сельской местности в ближайшие малые города (и из восточных сельских территорий в западные сельские территории), и из восточных малых городов в западную агломерационную зону.

Факторы, лимитирующие внутреннюю миграцию

Главную роль в снижении объемов сельско-городской миграции в регионе играет сокращение миграционного потенциала сельского населения в молодых возрастах. В большинстве округов, среди которых отмечается снижение интенсивности оттока населения из сельской местности в городскую, за 10 лет произошло в среднем 20 %-ное сокращение численности сельских жителей в возрасте 15–19 лет, а в группе 20–24 лет сокращение составило в среднем 40 %.

Второстепенными выступают факторы закрепления населения и факторы, препятствующие перетоку населения по линии запад–восток и город–село. Однако их роль также значительно возросла. Во-первых, высокая транспортная связность в условиях высокой географической компактности региона в сочетании с высоким уровнем автомобилизации населения (22-е место в РФ в 2023 г., 369,6¹ собственных легковых автомобилей на 1000 населения) обеспечивают возможность маятниковой миграции между сельской местностью и городами региона и позволяют сельскому населению получить доступ ко всем услугам города без переезда в него. Почти все сельские поселения региона (92 %) расположены в границах 30-минутной временной доступности по дорогам общего пользования до городов ре-

гиона. А в границах 60-минутной временной доступности до Калининграда находится территория, на которой проживает порядка 700 тыс. жителей (Gumenyuk & Gumenyuk, 2021).

Во-вторых, на закрепление населения на востоке области направлена сеть учреждений профессионального образования, сформированная в малых и полусредних городах. В округах, где функционируют учреждения высшего или среднего профессионального образования (Черняховский, Полесский МО, Советский и Светловский ГО), отмечается миграционный прирост в группе 15–19 лет, несмотря на суммарную миграционную убыль в целом.

В-третьих, цели закрепления населения преследует и политика региональных властей по стимулированию социально-экономического развития восточных, преимущественно сельских округов. Это, прежде всего, меры финансовой поддержки малых форм хозяйствования (например, программа «Агростартап» до 2020 г.) и организаций (например, программа комплексного развития центральных и восточных муниципалитетов области «Восток»). В рамках последней особое внимание уделяется созданию новых рабочих мест.

Демпфером стягивания населения периферии в Калининградскую агломерацию выступает нарастающее отставание удаленных округов от областного центра по показателям стоимости жизни. Наиболее наглядным выглядит снижение экономической доступности нового жилья, которое преимущественно возводится в пределах агломерации. В среднем для жителей дальней пригородной зоны доступность приобретения жилья в целом по области сократилась на 8 %, для жителей периферийной зоны — на 12 %, а жилье на первичном рынке в областном центре стало менее доступным на 19 % и 22 % соответственно (рис. 7).

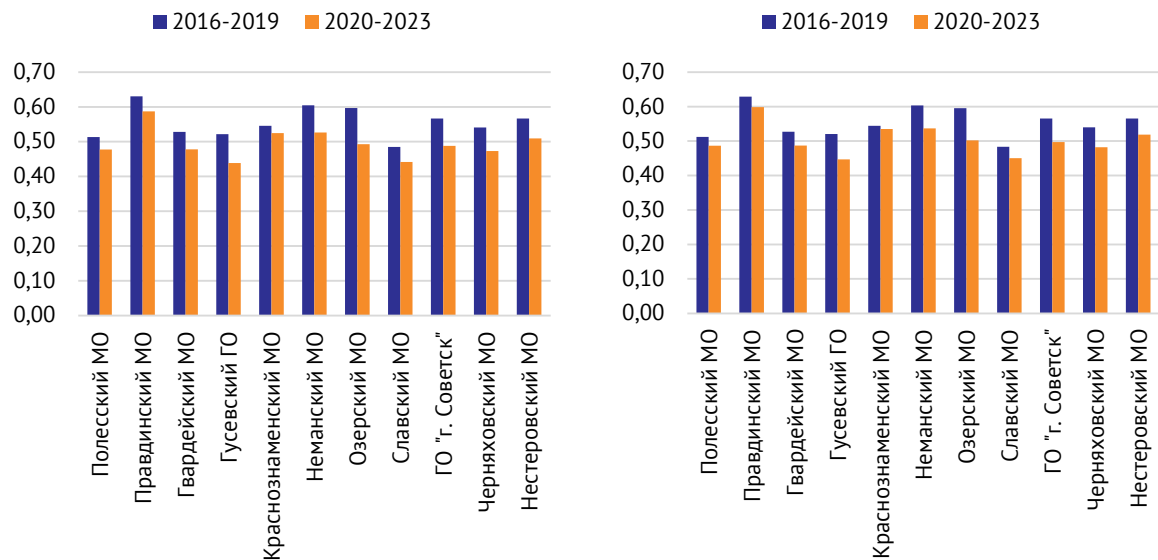
Заключение

Происходящие изменения в процессах внутренней миграции населения в Калининградском эксклаве во многом совпадают с описанными ранее для других частей страны.

Выявленное в рамках исследования нарастание замкнутости миграционных процессов в пределах восточной периферии региона обусловлено, вероятно, действием «ловушек бедности», не позволяющим жителям периферии и дальней пригородной зоны приобрести жилье в областном центре. Одновременно можно говорить о сокращении миграционного потенциала, главным образом, по причине оттока,

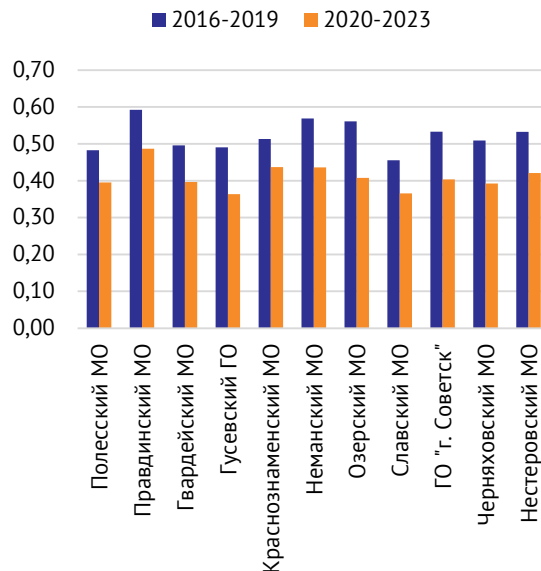
сборник. Калининград: Калининградстат, 25.

¹ Количество собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения. Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport> (дата обращения: 18.11.2024)

а) жилье на первичном и вторичном рынке Калининградской области

б) жилье на первичном рынке в Калининградской области

в) жилье на первичном рынке Калининграда

Примечание: коэффициент экономической доступности жилья рассчитан как отношение средней заработной платы в муниципальном образовании к стоимости 1 м² жилья

Рис. 7. Экономическая доступность жилья для жителей дальней пригородной и периферийной зон Калининградской области в 2016–2023 гг. (источник: составлено авторами)

Fig. 7. Economic accessibility of housing for residents of distant suburban and peripheral zones of Kaliningrad Oblast in 2016–2023

но также и смертности в молодых возрастах, наиболее активных с точки зрения миграции. Эти проблемы особенно актуальны для сельской местности, и сегодня они в значительной степени определяют снижение сельско-городской миграции. Для оставшихся трудовых ресурсов на востоке области создаются рабочие места в рамках реализации инвестиционных проектов (прежде всего, в сфере АПК), расширяются возможности «маятниковой» миграции в условиях развития транспортной ин-

фраструктуры. Закреплению местных жителей также способствует сеть учреждений профессионального образования в городах на востоке области. Их популярность возрастает в условиях роста спроса и уровня оплаты труда рабочих и снижения экономической доступности проживания в областном центре, увеличения проходного бала в ведущих вузах, расположенных в областной столице, что существенно ограничивает их доступность для многих абитуриентов из-за пределов Калининграда.

Рост миграционного взаимодействия востока области (в большей степени) и запада (в меньшей) с буферной зоной укладывается в тенденции роста пригородов за счет периферии, актуальные и для других регионов России. В Калининградской области этот процесс определяется более широкими возможностями занятости в муниципалитетах дальней пригородной зоны, которые создаются, как правило, в аграрном секторе. Здесь представлены крупные предприятия, в том числе агропромышленного комплекса, реализуются инвестиционные проекты в рамках программы «Восток». Гораздо шире и транспортные возможности маятниковой миграции в областную столицу при более высокой экономической доступности проживания относительно областной столицы и ее ближайших пригородов.

Рост миграционной привлекательности сельской местности пригородов, главным образом Гурьевского и Зеленоградского МО, обусловлен двумя факторами. Во-первых, изменением жизненного уклада части населения областного центра, а также межрегиональных мигрантов, выбирающих спокойный ритм жизни и чистый воздух вблизи развитого крупного города. Во-вторых, здесь, так же как и в муниципалитетах дальней пригородной зоны, активно развивается сектор АПК, ориентированный на удовлетворение широкого спроса со стороны крупного рынка сбыта, в связи с чем возможности для ведения сельского хозяйства выше, чем на периферии. Вероятно, здесь также проходят потоки транзитной миграции из муниципалитетов дальней пригородной зоны и периферии, в том числе через полусредние города, в областной центр.

Список источников

- Вакуленко, Е. С. (2019). Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? *Прикладная эконометрика*, 55, 113–138. <https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013>
- Зайончковская, Ж. А., Ноздрина, Н. Н. (2008). Миграционный опыт населения региональных центров России: на примере социологического опроса в 10 городах. *Проблемы прогнозирования*, (4), 98–111.
- Карачурина, Л. Б., Иванова, К. А. (2017). Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.). *Региональные исследования*, (3), 51–60.
- Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. (2021). Внутрирегиональная миграция населения в России: пригороды вытесняют у столиц. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 85(1), 24–38. <https://doi.org/10.31857/S2587556621010076>
- Карцева, М. А., Мкртчян, Н. В., Флоринская, Ю. Ф. (2024). Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа. *Крестьяноведение*, 9(2), 153–179. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179>
- Кузнецова, Т. Ю., Сибирева, Н. И. (2020). Экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, (1), 43–55.
- Лялина, А. В. (2023). Внутрирегиональная миграция как фактор динамики численности населения муниципальных образований Калининградской области. *Региональные исследования*, (3), 65–80. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-3-6>
- Лялина, А. В., Волошенко, К. Ю. (2024). Миграционный потенциал Калининградской области: миграционные настроения и намерения жителей эксклава. *Демографическое обозрение*, 11(4), 168–188. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24295>
- Максимова, А. С. (2016). Миграционная подвижность населения и ее оценка. *Миграция и социально-экономическое развитие*, 1(2), 97–110. <https://doi.org/10.18334/migration.1.2.38083>
- Мкртчян, Н. В. (2015). Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности. *Региональные исследования*, (3), 107–116.
- Мкртчян, Н. В. (2024). Миграция сельского населения в России в 2010-е годы. *Демографическое обозрение*, 11(2), 21–43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21825>
- Мкртчян, Н. В., Гильманов, Р. И. (2023). Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е годы. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 87(1), 29–41. <https://doi.org/10.31857/S2587556623010132>
- Неустроева, А. Б., Барашкова, А. С. (2024). Внутрирегиональная миграция в Якутии: причины и стратегии поведения населения. *Социологические исследования*, (1), 40–50. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010045>
- Нефедова, Т. Г. (2019). Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России. *Пространственная экономика*, 15(4), 36–56. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>
- Нефедова, Т. Г., Мкртчян, Н. В. (2017). Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, (5), 58–67.

- Никулина, Ю. Н., Арефьева, В. А., Сарайкин, В. А. (2022). Альтернативная сельская занятость и её связь с возвратной миграцией горожан. *Народонаселение*, 25(1), 118–128. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.10>
- Положихина, М. А. (2024). Направления и проблемы изучения внутренней миграции в России. *Социальные науки и социальные науки*, (1), 11–36. <https://doi.org/10.31249/snsn/2024.01.01>
- Рыбаковский, Л. Л. (1969). *Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока*. Хабаровск: АН СССР, Сиб. Отделение Хабаровский комплексный науч.-исслед. ин-т, 200.
- Рязанцев, С. В., Брагин, А. Д. (2023). Миграция в сельской местности этнонациональных регионов Российской Федерации: тренды и последствия. *Урбанистика*, (4), 62–77. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2023.4.69059>
- Федоров, Г. М., Кузнецова, Т. Ю., Разумовский, В. М. (2017). Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области. *Известия Русского географического общества*, 149(3), 15–31.
- Ходенко, С. В. (2008). Миграционный опыт постоянного населения в контексте социологического опроса. *Народонаселение*, (1), 85–92.
- Chankseliani, M., & Belkina, E. (2024). Academic Exodus from Russia: Unravelling the Crisis. *Journal of Comparative & International Higher Education*, 16(3), 97–105. <https://doi.org/10.32674/jcihe.v16i3.6304>
- Chaplitskaya, A., Tassinari, G., Heijman, W., & van Ophem, J. (2024). Rural-urban migration within Russia: Prospects and drivers. *Regional Science Policy & Practice*, 16(9), 100053. <https://doi.org/10.1016/j.rsp.2024.100053>
- Chervyakov, D., & Giucci, R. (2023). Relocation of people from Russia to Armenia: results of 2nd survey and update of economic implications. *Policy Study Armenia*. https://www.german-economic-team.com/wp-content/uploads/2023/04/GET_ARM_PS_02_2023_en.pdf (дата обращения: 10.02.2025).
- Fedorov, G. M., Kinder, S., & Kuznetsova, T. Yu. (2021). The effect of geographical position and employment fluctuations on rural settlement trends. *Baltic Region*, 13(4), 129–146. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>
- Geiger, M., & Syrakvash, V. (2023). Georgia as Transient Space and Talent Harbor for Russian and Belarusian IT Specialists. *Journal of International Migration & Integration*, 24(Suppl 5), 957–978. <https://doi.org/10.1007/s12134-023-01082-0>
- Gumenyuk, I. S., & Gumenyuk, L. G. (2021). Transport connectivity as a factor in overcoming challenges of the periphery: the case of rural areas in the Kaliningrad region, *Baltic Region*, 13(4), 147–160. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-9>
- Karachurina, L. B., & Mkrtchyan, N. V. (2023). Migration distances in Russia: a demographic profile of migrants. *Baltic Region*, 15(2), 4–22. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-1>
- Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V., & Savoskul, M. S. (2022). New Data on Population Migration in Russia: a Challenge for Researchers? *Regional Research of Russia*, 12(1), 51–66. <https://doi.org/10.1134/S2079970522020034>
- Mkrtchyan, N. V. (2019). Migration in rural areas of Russia: territorial differences. *Population and Economics*, 3(1), 39–51. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780>
- Mkrtchyan, N., & Vakulenko, E. (2019). Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle. *GeoJournal*, 84(6), 1549–1565. <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9937-5>
- Ruseishvili, S., & Ryazantsev, S. (2024). Transcontinental trajectories: Exploring Russian war-induced migration dynamics in Brazil. *International Migration*, 62(6), 189–210. <https://doi.org/10.1111/imig.13322>

References

- Chankseliani, M., & Belkina, E. (2024). Academic Exodus from Russia: Unravelling the Crisis. *Journal of Comparative & International Higher Education*, 16(3), 97–105. <https://doi.org/10.32674/jcihe.v16i3.6304>
- Chaplitskaya, A., Tassinari, G., Heijman, W., & van Ophem, J. (2024). Rural-urban migration within Russia: Prospects and drivers. *Regional Science Policy & Practice*, 16(9), 100053. <https://doi.org/10.1016/j.rsp.2024.100053>
- Chervyakov, D., & Giucci, R. (2023). Relocation of people from Russia to Armenia: results of 2nd survey and update of economic implications. *Policy Study Armenia*. https://www.german-economic-team.com/wp-content/uploads/2023/04/GET_ARM_PS_02_2023_en.pdf (Date of access: 10.02.2025).
- Fedorov, G. M., Kinder, S., & Kuznetsova, T. Yu. (2021). The effect of geographical position and employment fluctuations on rural settlement trends. *Baltic Region*, 13(4), 129–146. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>
- Fedorov, G. M., Kuznetsova, T. Yu., & Razumovskiy, V. M. (2017). The effect of the sea on the economic development and settlement structure in the Kaliningrad Region. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Russian Geographical Society]*, 149(3), 15–31. (In Russ.)
- Geiger, M., & Syrakvash, V. (2023). Georgia as Transient Space and Talent Harbor for Russian and Belarusian IT Specialists. *Journal of International Migration & Integration*, 24(Suppl 5), 957–978. <https://doi.org/10.1007/s12134-023-01082-0>
- Gumenyuk, I. S., & Gumenyuk, L. G. (2021). Transport connectivity as a factor in overcoming challenges of the periphery: the case of rural areas in the Kaliningrad region, *Baltic Region*, 13(4), 147–160. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-9>
- Karachurina, L. B., & Ivanova, K. A. (2017). Migration of the elderly in Russia (according to 2010 census data). *Regional'nye issledovaniya [Regional Research]*, (3), 51–60. (In Russ.)
- Karachurina, L. B., & Mkrtchyan, N. V. (2021). Intraregional Population Migration in Russia: Suburbs Outperform Capitals. *Regional Research of Russia* 11(1), 48–60. <https://doi.org/10.1134/S2079970521010068> (In Russ.)
- Karachurina, L. B., & Mkrtchyan, N. V. (2023). Migration distances in Russia: a demographic profile of migrants. *Baltic Region*, 15(2), 4–22. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-1>

- Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V., & Savoskul, M. S. (2022). New Data on Population Migration in Russia: a Challenge for Researchers? *Regional Research of Russia*, 12(1), 51–66. <https://doi.org/10.1134/S2079970522020034>
- Kartseva, M. A., Mkrtchyan, N. V., & Florinskaya, Yu. F. (2024). Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis. *Krest'yanovedenie [Russian Peasant Studies]*, 9(2), 153–179. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179> (In Russ.)
- Khodenko, S. V. (2008). Migration experience of the resident population in the context of sociological survey. *Narodonaselenie [Population]*, (1), 85–92. (In Russ.)
- Kuznetsova, T. Yu., & Sibireva, N. I. (2020). Economic and demographic distinctions between municipal districts of the Kaliningrad region. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and social science]*, (1), 43–55. (In Russ.)
- Lialina, A. V. (2023). Intraregional migration as factor of population growth in municipalities of Kaliningrad oblast. *Regional'nye issledovaniya [Regional Research]*, (3), 65–80. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-3-6> (In Russ.)
- Lialina, A., & Voloshenko, K. (2024). Migration potential of the Kaliningrad region: migration sentiments and intentions of residents of the exclave. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 11(4), 168–188. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24295> (In Russ.)
- Maksimova, A. S. (2016). Migration mobility of the population and its assessment. *Migraciya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie [Migration and social development]*, 1(2), 97–110. <https://doi.org/10.18334/migration.1.2.38083> (In Russ.)
- Mkrtchyan, N. V. (2015). Migration in Moscow and Moscow region: regional and structural peculiarities. *Regional'nye issledovaniya [Regional Research]*, (3), 107–116. (In Russ.)
- Mkrtchyan, N. V. (2019). Migration in rural areas of Russia: territorial differences. *Population and Economics*, 3(1), 39–51. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780>
- Mkrtchyan, N. V. (2024). Migration of the rural population in Russia in the 2010s. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 11(2), 21–43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21825> (In Russ.)
- Mkrtchyan, N. V., & Gilmanov, R. I. (2023). Moving Up: Migration between Levels of the Settlement Hierarchy in Russia in the 2010s. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 87(1), 29–41. <https://doi.org/10.31857/S2587556623010132> (In Russ.)
- Mkrtchyan, N., & Vakulenko, E. (2019). Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle. *GeoJournal*, 84(6), 1549–1565. <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9937-5>
- Nefedova, T. G. (2019). Development of the Post-Soviet Agricultural Sector and Rural Spatial Polarization in European Russia. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 15(4), 36–56. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056> (In Russ.)
- Nefedova, T. G., & Mkrtchan, N. V. (2017). Migration of rural population and dynamics of agricultural employment in the regions of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografia [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography]*, (5), 58–67. (In Russ.)
- Neustroeva, A. B., & Barashkova, A. S. (2024). Intraregional migration in Yakutia: causes and strategies of population behavior. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, (1), 40–50. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010045> (In Russ.)
- Nikulina, Y. N., Arefieva, V. A., & Saraikin, V. A. (2022). Non-agricultural rural employment and urban-rural migration: is there a connection? *Narodonaselenie [Population]*, 118–128. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.10> (In Russ.)
- Polozhikhina, M. A. (2024). Directions and problems of studying internal migration in Russia (Review). *Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki [Social Novelties and Social Sciences]*, (1), 11–36. <https://doi.org/10.31249/snsn/2024.01.01> (In Russ.)
- Ruseishvili, S., & Ryazantsev, S. (2024). Transcontinental trajectories: Exploring Russian war-induced migration dynamics in Brazil. *International Migration*, 62(6), 189–210. <https://doi.org/10.1111/imig.13322>
- Ryazantsev, S. V., & Bragin, A. (2023). Migration in rural areas of Ethno-national regions of the Russian Federation: trends and consequences. *Urbanistika [Urban Studies]*, (4), 62–77. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2023.4.69059> (In Russ.)
- Rybakovskiy, L. L. (1969). Problemy formirovaniya narodonaseleniya Dal'nego Vostoka [Problems of the formation of population of the Far East]. Khabarovsk: Academy of Sciences of the USSR, Siberian Branch. *Khabarovsk Integrated Research Institute*, 200. (In Russ.)
- Vakulenko, E. (2019) Motives for internal migration in Russia: What has changed in recent years? *Prikladnaya ekonomika [Applied Econometrics]*, 55, 113–138. <https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013> (In Russ.)
- Zaionchkovskaya, Zh. A., & Nozdrina, N. N. (2008). The migration experience of the population of Russian regional centers, based on a sociological survey in 10 cities. *Studies on Russian Economic Development*, 19(4), 395–404.

Информация об авторах

Лялина Анна Валентиновна – кандидат географических наук, научный сотрудник, Центр социально-экономических исследования региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; Scopus Author ID: 57204661829; <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X> (Российская Федерация, 23601614, г. Калининград, ул. А. Невского, 14; e-mail: anutamazova@mail.ru).

Гуменюк Иван Сергеевич – директор Центра геополитических исследований Балтийского региона, Институт геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; Scopus

Author ID: 57003410100; <https://orcid.org/0000-0002-8477-5342> (Российская Федерация, 23601614, г. Калининград, ул. А. Невского, 14; e-mail: IGumeniuk@kantiana.ru).

Плотникова Ангелина Петровна – аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; Scopus Author ID: 57211959846; <https://orcid.org/0000-0002-5502-8866> (Российская Федерация, 23601614, г. Калининград, ул. А. Невского, 14; e-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com).

About the authors

Anna V. Lialina – Cand. Sci. (Geogr.), Research Associate, Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University; Scopus Author ID: 57204661829, <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X> (14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 23601614, Russian Federation; e-mail: anuta-mazova@mail.ru).

Ivan S. Gumenyuk – Cand. Sci. (Geogr.), Director of the Center for Geopolitical Studies of the Baltic region, Institute of Geopolitics and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University; Scopus Author ID: 57003410100, <https://orcid.org/0000-0002-8477-5342> (14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 23601614, Russian Federation; e-mail: IGumeniuk@kantiana.ru).

Angelina P. Plotnikova – PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University; Scopus Author ID: 57211959846, <https://orcid.org/0000-0002-5502-8866> (14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 23601614, Russian Federation; e-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 06.03.2025.

Прошла рецензирование: 20.03.2025.

Принято решение о публикации: 26.03.2025.

Received: 06 Mar 2025.

Reviewed: 20 Mar 2025.

Accepted: 26 Mar 2025.